Прочитайте приведённый ниже фрагмент произведения и выполните задание.

Когда он (Штольц) подрос, отец сажал его с собой на рессорную тележку, давал вожжи и велел везти на фабрику, потом в поля, потом в город, к купцам в присутственные места, потом посмотреть какую-нибудь глину, которую возьмёт на палец, понюхает, иногда лизнёт, и сыну даст понюхать, и объяснит, какая она, на что годится. Не то так отправятся посмотреть, как добывают поташ или дёготь! топят сало.

Четырнадцати, пятнадцати лет мальчик отправлялся частенько один, в тележке или верхом, с сумкой у седла, с поручениями от отца в город, и никогда не случалось, чтоб он забыл что-нибудь, переиначил, недоглядел, дал промах.

— Recht gut, mein lieber Junge![1] — говорил отец, выслушав отчёт, и, трепля его широкой ладонью по плечу, давал два, три рубля, смотря по важности поручения.

Мать после долго отмывает копоть, грязь, глину и сало с Андрюши.

Ей не совсем нравилось это трудовое, практическое воспитание. Она боялась, что сын её сделается таким же немецким бюргером, из каких вышел отец. На всю немецкую нацию она смотрела как на толпу патентованных мещан, не любила грубости, самостоятельности и кичливости, с какими немецкая масса предъявляет везде свои тысячелетием выработанные бюргерские права, как корова носит свои рога, не умея кстати их спрятать.

На её взгляд, во всей немецкой нации не было и не могло быть ни одного джентльмена. Она в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятною в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу.

Нет, так и ломят эти невежи, так и напирают на то, что у них положено, что заберут себе в голову, готовы хоть стену пробить лбом, лишь бы поступить по правилам.

Она жила гувернанткой в богатом доме и имела случаи быть за границей, проехала всю Германию и смешала всех немцев в одну толпу курящих коротенькие трубки и поплёвывающих сквозь зубы приказчиков, мастеровых, купцов, прямых, как палка, офицеров с солдатскими и чиновников с будничными лицами, способных только на чёрную работу, на труженическое добывание денег, на пошлый порядок, скучную правильность жизни и педантическое отправление обязанностей: всех этих бюргеров, с угловатыми манерами, с большими, грубыми руками, с мещанской свежестью в лице и с грубой речью.

«Как ни наряди немца, — думала она, — какую тонкую и белую рубашку он ни наденет, пусть обуется в лакированные сапоги, даже наденет жёлтые перчатки, а всё он скроен как будто из сапожной кожи; из-под белых манжет всё торчат жёсткие и красноватые руки, и из-под изящного костюма выглядывает если не булочник, так буфетчик. Эти жёсткие руки так и просятся приняться за шило или много-много — что за смычок в оркестре».

А в сыне ей мерещился идеал барина, хотя выскочки, из чёрного тела, от отца бюргера, но всё-таки сына русской дворянки, всё-таки беленького, прекрасно сложённого мальчика, с такими маленькими руками и ногами, с чистым лицом, с ясным, бойким взглядом; такого, на каких она нагляделась в русском богатом доме, и тоже за границею, конечно, не у немцев.

И вдруг он будет чуть не сам ворочать жернова на мельнице, возвращаться домой с фабрик и полей, как отец его: в сале, в навозе, с красно-грязными, загрубевшими руками, с волчьим аппетитом!

Она бросалась стричь Андрюше ногти, завивать кудри, шить изящные воротнички и манишки; заказывала в городе курточки; учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии жизни, шептала о блестящем призвании то воина, то писателя, мечтала с ним о высокой роли, какая выпадает иным на долю...

И вся эта перспектива должна сокрушаться от щёлканья счётов, от разбиранья замасленных расписок мужиков, от обращения с фабричными!

(И. А. Гончаров «Обломов»)

[1] Очень хорошо, мой дорогой мальчик!

К какому роду литературы принадлежит гончаровский «Обломов»?